

ЭКСПОРТНАЯ ГЛАСНОСТЬ,

или Интервью И. С. Глазунова газете «АВС»

РАСКРЫЛ недавно мадридскую газету «АВС» и глазам не поверил. Это же надо было коварным испанским журналистам так исказить слова в интервью народного художника СССР Илья Глазунова! Ну не мог наш уважаемый Илья Сергеевич говорить такое. Оболгали?

Поехал в газету к автору интервью.

— Нет, в интервью все точно, — отвечает.

— А может, переводчик напутал? — спрашиваю. — Ведь и сам художник перед отъездом из Испании сказал в одном разговоре, что, дескать, не обращайте внимания на интервью, меня полностью переврали.

— Нет, — упирается испанский коллега, — переводчик был хороший. Да и при чем переводчик? Я же вам могу дать послушать магнитофонную запись беседы, если интересно...

Интересно? Не то слово. Лично я трижды прослушал пленку, чтобы удостовериться, что это не слуховая галлюцинация.

Послушаем вместе:

«Я считаю, что вся культура человечества разделена на два периода. Последний период длится 80 лет, и до этого — единый поток гуманистической религиозной культуры... А если возьмем Пикассо и последние 80 лет, то это совпадает с «Интернационалом». Помните: «Весь мир насилью (!?) мы разрушим до основания, а затем...» Я думаю, что этот опыт не получился. И примером тому является Пикассо — это сатанизм. «Герника» — это ничто. Для меня это ноль. Сатанизм!»

После такого решительного начала и своеобразной классификации истории человеческой культуры, после не менее лихо цитирования «Интернациона-

ла» Илья Сергеевич еще долго разносил в пух и прах ненавистный ему авангардизм, аргументируя его неприятие тем весомым аргументом, что «человек создан по образу и подобию божьему», а авангардисты могут глаз нарисовать, где им в голову придет.

Ну не нравятся И. Глазунову авангардисты — и ладно. Но дальнейший ход мысли художника еще более любопытен:

«Все это искусство (авангардизм) — коммунистическое. Малевич был комиссаром и Пикассо — комиссар. Даже Шагал был комиссар, с револьвером ходил. И Кандинский — комиссар. Они разрушили всю нашу культуру и спокойно уехали на Запад, где стали идолами так называемого современного искусства... Авангардизм для Европы, Америки — это экспансия Коминтерна...»

Запугав испанцев «комиссарами», Илья Сергеевич вдруг заизвинялся. И заговорил о себе:

«Я очень извиняюсь, я очень извиняюсь, но я говорю честно: после Сталина, мне было 26 лет, первый, кто показал жизнь, как она есть, был Илья Глазунов!»

Приятно сознавать, что, по народной присказке, от скромности народный художник не умрет. Покончив с собственным величием и «комиссарством» авангардистов, он плавно перешел на другие личности. В частности, прошелся по Л. Толстому, которого он «лично не любит».

Ну не любит Илья Сергеевич Льва Николаевича. И ладно. Но за что? А вот за что:

«Толстой — представитель масонства. Он вместе с другими готовил катастрофу (?). Он говорил: «Не противьтесь злу силой» (!) и был отлучен из церкви до революции. Он —

экстракт буддизма. Э-э-э... всемирное масонство».

Так, ясно. Но кого же любит Илья Глазунов? Не может же он в конце концов не любить никого? Отвечаю цитатой:

«Я люблю Столыпина, премьер-министра Николая Второго. Большой человек! («гран омбре!» — произносит Илья Сергеевич по-испански). Он делал ставку на сильных. Если бы его реформы были проведены, то в России не было бы революции...».

А чуть ранее:

«У нас экономика за 70 лет уничтожена. Раньше Россия была самой великой, самой богатой и самой свободной (!) страной мира...»

Теперь, читатель, мы подошли к не менее любопытной части интервью, к нашим дням, к нашим нынешним проблемам. И выяснилось, что человек, которому принадлежит все вышесказанное, «всецело поддерживает перестройку»:

«Перестройка — это очень хорошее дело, я это всецело поддерживаю. Но, к сожалению, в искусстве это полная катастрофа, потому что под видом перестройки они (?) снова стали поднимать авангардизм».

Все? Нет, не все. Перестройка «по Глазунову» требует еще кое-каких изменений:

«Но если мы говорим серьезно, то что мы меняем? Крышу или фундамент?... Чтобы изменить фундамент, надо отменить марксизм, ленинизм и т. д.»

Вот так, взять и отменить. Был марксизм и ленинизм и — нету. Правда, не ясно, как отменить это самое «и т. д.», ну да ладно: не последнее же интервью. Может быть, вот так: «Перестройка — это одеяло. Вы тянете его к себе, я тяну — на великую русскую культуру.

Все другие тянут — на авангардизм. Все советские журналы — авангард, «Герника», Малевич, Шагал, Пикассо, Татлин, Кандинский... Троицизм».

Хватит?

Думаю, да.

Конечно, любое интервью художника, как и других граждан, тем или иным иностранным газетам — это, в основном, личное дело. И наличие такой, мягко говоря, путаницы в мыслях — тоже личное дело. Гласность — так гласность. Пусть читатель — и наш, и испанский — сам разберется что к чему. Вот только что тревожит. Не может быть гласности «для внутреннего употребления» и гласности в «экспортном исполнении». Равно как не может быть и разной критики для одних и других. И двух типов интервью — для дома и для границы — тоже.

Как правильно заметил недавно Илья Сергеевич в ленинградской телепрограмме «Монитор»: «Из того и состоит призвание художника, чтобы нести какие-то идеи и обсуждать их в обществе». Остается только добавить, что русское слово «нести» имеет и другой смысл.

Так что, смотря что несешь...

В. ВЕРНИКОВ,
соб. корр. «Известий».

МАДРИД.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Посчитав, как и корреспондент сначала, что этого не может быть, мы затребовали из Мадрида пленку с записью интервью. Испанские журналисты любезно предоставили ее. К сожалению, нам оставалось только еще раз сверить написанное с фонограммой беседы почитаемого нами знаменитого художника с корреспондентом газеты «АВС».

Известия - 1988 - 3 ноября